

Рина Фиори

Не отдам
ТЕБЯ НИКОМУ

Рина Фиори
Не отдам тебя никому

«Автор»

2024

Фиори Р.

Не отдам тебя никому / Р. Фиори — «Автор», 2024

Босс хладнокровно предлагает мне "взаимовыгодную" сделку. Я должна буду сыграть роль его невесты, а он в ответ обещает помочь моему ребёнку, которого грозят безжалостно отобрать. "Я не продаюсь!" - так и хочется выкрикнуть в лицо этому красавцу. Но что делать, если обстоятельства вынуждают меня согласиться?

© Фиори Р., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рина Фиори

Не отдам тебя никому

Пролог

– Я предлагаю тебе сделку, – заявляет босс хладнокровно.

– К-какую сделку? – после всего того, что произошло за последние пару дней, я ничему не должна удивляться. Но иглы страха терзают мою кожу, а взгляд мужчины напротив только усиливает ощущения.

– На вчерашней встрече произошёл небольшой инцидент – кто-то снял нас на камеру и выложил в сети статью, – Александр поднимается со своего места и начинает измерять шагами свой кабинет. – И теперь весь город считает, что мы с тобой – жених и невеста.

– Глупость какая, мы с вами прекрасно знаем, что это ложь, – фыркаю, пожимая плечами.

Мужчина резко останавливается и окидывает меня оценивающим взглядом. Сначала скользит по фигуре, а потом концентрирует всё внимание на лице.

– Тебе придётся сыграть роль моей невесты! – припечатывает тоном, не терпящим возражений.

– Знаете, – поднимаюсь со стула, отточенным движением поправляю узкую юбку и делаю шаг в направлении двери, – кажется, вам нужен психиатр.

– Да? – ухмыляется и пожимает плечами. – А тебе юрист. Ты же хочешь, чтобы твоя дочка осталась с тобой? – звучит, словно выстрел.

Делаю глубокий вдох, но выдохнуть уже не в состоянии. Откуда он узнал?

– Подождите, я ничего не понимаю, что вы хотите сказать? То есть, предложить? – пульс набатом бьёт в виски, заглушая посторонние звуки.

– Какое-то время нам придётся сыграть роль жениха и невесты, – голос босса звучит, словно сквозь пелену, – чтобы моя репутация не пострадала. Но я же понимаю, что ты не будешь играть в эти игры просто так, – смотрит с вызовом, – поэтому предлагаю свою помощь в урегулировании вопроса с ребёнком.

Настоящий бизнесмен, прожжённый до мозга костей. Ничего не сделает безвозмездно, и окружающих считает такими же продажными.

– Нет! – отвечаю решительно и поднимаюсь с дивана, на котором до этого сидела. – Я не продаюсь!

Глава 1

– Сейчас, моя девочка, ещё немножко, и мы будем на месте, – бормочу себе под нос, успокаивая то ли себя, то ли Стешку.

С ребёнком на руках вбегаю в распахнутую дверь центра детского творчества, и ставлю девочку на пол.

– Ма! – произносит недовольно. Смешная, словно это она меня на руках полдороги тащила, а не наоборот.

– Ну, всё, зайчик, всё. Мы уже пришли, – я окидываю взглядом холл престижного центра. М-да, сколько же нужно зарабатывать, чтобы оплачивать занятия своего ребёнка в этом замечательном заведении?

– Ма! – Стефания дёргает меня за подол расклешённой юбки, пытаюсь привлечь внимание.

– Что, моя хорошая, тебе здесь не нравится? – улыбаюсь малышке.

Беру её ладошку в свою руку и направляюсь к двери кабинета с табличкой «директор». Выдыхаю, прежде, чем постучать: надеюсь, мне не откажут.

– Можно? – робко открываю дверь, но внутрь заходить не спешу. – Я на собеседование.

– Мальвина Остапенко? – спрашивает женщина лет пятидесяти. Она поправляет очки, но те обратно съезжают на нос.

– Да, это я, – делаю шаг вперёд и тяну следом за собой ребёнка.

– Присаживайтесь, – женщина указывает на стул, находящийся напротив её стола.

Уверенно прохожу к предложенному месту, но садиться не спешу. На стул усаживаю Стешку, и пока малышка с интересом оглядывается по сторонам, достаю из сумочки свои документы. В том числе, диплом об окончании музыкального училища.

– Красный? – ухмыляется директор, но тут же натягивает обратно маску равнодушия.

В ответ улыбаюсь легонько, лишь уголками губ.

– Это ваш ребёнок? – кивает на Стефанию, даже не заглядывая в мои документы.

– Д-да, – отвечаю испуганно.

Так, Мальвина, возьми себя в руки и сосредоточься на разговоре. Тебе жизненно необходимо получить это место.

– В таком случае мы вынуждены вам отказать, – отвечает сухо и откладывает мои документы в сторону, но для меня её ответ звучит, словно выстрел.

– Почему? – роняю, чуть не плача. – Мне очень нужна работа, пожалуйста, не отказывайте, я готова на любые условия.

Да, с некоторых пор я научилась унижаться и просить, просить и унижаться. Ради ребёнка, будущее которого находится в моих руках, я готова на всё.

– Ничем не могу помочь, – собеседница качает головой, но я отказываюсь верить в происходящее.

Этот центр был моей последней надеждой, потому что во всех остальных организациях, нуждающихся в преподавателях музыки, мне отказали. Основной причиной, конечно, было отсутствие опыта, и красный диплом мне в данном случае не помог.

– Во-первых, у вас нет никакого опыта. Абсолютно, – выделяет голосом последнее слово, – а во-вторых, сотрудники с маленькими детьми – не лучший вариант для нашего учреждения. Бесконечные больничные негативно сказываются на рабочем процессе, так что, увы, – женщина разводит руками и повторяет снова: – я не могу вам ничем помочь.

– Но подождите... – пытаюсь оспорить решение директора.

– До свидания! – гремит безапелляционно, и мне жестом указывают на дверь.

Смотрю на равнодушное лицо женщины и, не медля больше ни минуты, подхватываю ребёнка на руки и направляюсь к выходу из кабинета.

Глаза щиплет от наворачивающихся слёз, поэтому мне приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не разреветься.

– До свидания! – бросаю напоследок, обернувшись и в последний раз посмотрев на человека, который одним словом разрушил все мои надежды.

Спокойное лицо директрисы смотрит на меня с безразличием, от которого становится трудно дышать.

В этот момент дверь позади тихонько открывается, однако я настолько поглощена своим разочарованием, что не сразу замечаю, как в кабинете появляется ещё кто-то.

– Татьяна Викторовна, – незнакомый, но такой приятный баритон выдыхает совсем близко, и я тут же оборачиваюсь.

Высокий широкоплечий молодой мужчина смотрит мимо меня, словно не замечает присутствия постороннего человека. Идеальный строгий костюм, властный взгляд голубых глаз и невероятный аромат дорогостоящего парфюма – всё так и кричит о том, что передо мной не просто сотрудник центра. Это как минимум кто-то из начальников, а может быть, и сам владелец.

Не до конца отдавая себе отчёт, в том, как это выглядит со стороны, я застываю на месте. Бессовестно разглядываю незнакомца, который, наконец, обращает на меня внимание.

Хорошо, что Стешке становится скучно, и она принимается вытягивать из моей причёски длинную светлую прядь волос, тем самым отвлекая меня от разглядывания мужчины.

– Ай, Стешка, прекрати! – отмираю я, прижимаю девочку крепче к своему телу и проношу мимо мужчины.

В холле центра опускаю малышку на пол и поправляю блузку.

– Что, моё солнышко, кушать хочешь? – провожу ладонью по взъерошенным светлым завиткам Стешки.

Моей красавице скоро исполнится четыре годика, но шикарную русскую косу мы пока не отрастили.

– Ма... – тянет устало.

– Ну, и отлично тогда, поедем к Марине?

Получив одобрителный кивок от своей юной спутницы, я подхватываю уставшую девочку на руки и покидаю так и не ставший местом моей работы центр.

На улице ещё по-летнему пригревает солнце, но редкие жёлтые листья, упавшие на землю, напоминают о наступлении осени. Возможно, это ещё одна причина, по которой я никак не могу устроиться на работу. Не каждое учебное заведение готово принимать педагогов после начала учебного года, а на дворе уже середина сентября.

Остановка общественного транспорта находится как раз возле центра детского творчества, что не может не радовать.

За тридцать минут мы доезжаем до дома, в котором моя подруга Марина снимает квартиру. Она позволила нам со Стешкой на время остановиться у неё.

– Мы вернулись, – сообщаю я, стоит нам переступить порог чужой квартиры.

Аккуратно снимаю с малышки туфельки, разуваяюсь сама и веду Стефанию мыть ручки.

– Сейчас мы вымоем наши ладошки, всех микробов прогоним, да, моя сладкая?

Я бережно вытираю хрупкие пальчики один за другим, возвращаю полотенце на место.

– А где же наша Марина? – произношу задумчиво, заглядывая в пустую кухню.

Подруга дала мне дубликат ключей, но сама, видимо, уже ушла на работу.

– Ма! – Стешка дёргает меня за юбку и тычет пальчиком в сторону моей сумочки.

– Это телефон, солнышко, не бойся! – я извлекаю вибрирующий аппарат и отвечаю на звонок.

– Мальвина Анатольевна, мы пересмотрели своё решение и готовы принять вас на работу, – раздаётся в трубке голос женщины, которая около часа назад не дала мне ни единого шанса.

– На работу?.. – это единственное, что я могу произнести в ответ.

– Разумеется, пока только на испытательный срок. Если вы не передумали, то завтра можете приступить ровно в десять.

Женщина сбрасывает вызов, даже не попрощавшись, а я так и продолжаю стоять с телефоном в руках, словно статуя.

Что такое произошло за этот час, что заставило строгую начальницу изменить своё твёрдое решение?

Глава 2

Александр

– Разве у нас есть группы для таких маленьких детей? – спрашиваю у Татьяны Викторовны, едва незнакомая девушка покидает кабинет.

– Нет, Александр Юрьевич, – отвечает коротко директор моего центра творчества.

Она всегда немногословна потому, что дорожит своим временем и временем окружающих. Деловая хватка и ответственность – вот за что я уважаю и ценю эту женщину.

Понимаю, что тратить драгоценные человеко-часы на выяснение личности неизвестной девушки не стоит, но впечатлённый слезами, застывшими в карих глазах незнакомки, даю себе слабину и спрашиваю у Татьяны про блондинку.

– Претендентка на место преподавателя музыки, – отвечает безразлично.

– И? – поторапливаю Татьяну.

– Полное отсутствие опыта и маленький ребёнок стали причиной отказа, – отчитывается женщина.

– Кхм, – прокашлявшись, присаживаюсь на стул, – а с каких пор дети стали препятствием для приёма на работу?

Сдержанно, но довольно строго смотрю на подчинённую: подозреваю, что я многого не знаю.

– Но дети – это же бесконечные отгулы и больничные... – частит женщина в своей жалкой попытке оправдаться.

Медленно, но верно я начинаю жалеть о том, что взял на работу подругу матери. Татьяна Викторовна помнит меня несмышлёным мальчишкой, и видимо потому считает, что имеет право единолично принимать важные решения.

– Половина сентября прошла, но мы так и не укомплектовали штат – не нашли преподавателя музыки. И когда подходящая кандидатура сама пришла на собеседование, вы ей с лёгкостью отказали? – повышаю голос.

– Но Саша, ты не понимаешь, она же без опыта...

– Нет, это вы не понимаете, – перебиваю женщину, – этот отказ может отрицательно сказаться на репутации нашего центра.

– Каким образом? – Татьяна, словно школьница, складывает руки на столе.

Не ожидал, что придётся объяснять простые истины опытному педагогу.

– Неужели вы не помните, как полгода назад журналисты придали огласке ситуацию с тем ребёнком, которого не приняли в секцию баскетбола? – тяжело опускаю ладонь на стол, не сводя глаз с женщины. – Если слух о том, что детский центр «Развитие» отказывается брать на работу сотрудников с маленькими детьми, расплзётся, то вы отправитесь на пенсию! Поэтому вы немедленно, – голосом нажимаю на последнее слово, – немедленно позвоните этой девушке и пригласите на повторное собеседование.

Нелегко проявлять строгость по отношению к человеку, который вдвое старше, но я давно привык поступать так, как велит совесть. И на мнение окружающих, пусть даже более опытных, мне плевать.

– Ладно, – вздыхает Татьяна, – будь по-твоему.

Она тянется за телефоном всем видом давая понять, что делает мне одолжение.

«*Кажется, пора подыскивать нового директора, а эту отправить на пенсию*», – думаю про себя, покидая кабинет.

Мальвина

– Да уж, подруга, всё любопытственнее и любопытственнее, – философствует Марина, медленно потягивая кофе.

– Знаешь, для меня главное, что на работу взяли. А что у них там в головах, и почему изменили первоначальное решение – не так важно.

– Ну, это да, конечно, но всё же интересно, почему передумали. Кстати, – девушка вскакивает со стула и начинает метаться по кухне в поисках какого-то предмета.

– О, вот он! – радуется, заметив свой телефон, лежащий на невысоком холодильнике. – Смотри!

Девушка тычет мне в нос мобильником, на экране которого изображён какой-то парень примерно моего возраста со светлыми, практически белыми волосами.

– Это кто? – спрашиваю равнодушно, лишь бегло посмотрев на фотографию.

– Не нравится? Ладно, – она проводит несколько раз пальцем по сенсорному экрану и показывает мне ещё одну фотографию.

На этот раз на фото изображён брюнет, да с таким строгим взглядом, что я невольно ёжусь.

– Что? И этот не нравится? – расстраивается Марина. – Вот ты привереда.

– Подожди, Мариш, я не пойму, ты мне это всё зачем показываешь? – на всякий случай прищуриваюсь, чтобы слегка смутить девушку. Если она какую-нибудь ерунду задумала, пусть считает, что я её уже раскусила.

– Как зачем? Парня тебе ищу! – наивно хлопает ресницами. Ну, так я и думала.

– Марина, если мы тебя со Стешкой стесняем сильно, ты так и скажи – прямо! Искать мне сожителя, чтобы мы съехали, не самая лучшая идея, ты же знаешь...

– Мальвишка, – восклицает обиженно, – как ты можешь!

Подруга подскакивает с места и принимается расхаживать по комнате, заламывая при этом руки и без конца одёргивая короткую футболку.

– Да я же... я как лучше хотела, ничего вы мне не мешаете! – причитает.

Не выдержав её душевных терзаний, поднимаюсь с места и подхожу к подруге.

– Спасибо тебе, – заглядываю в чёрные глаза, – но мне достаточно того, что ты разрешила нам со Стешкой у тебя остановиться, а большего не нужно, правда.

Крепко обнимаю подругу, бросив мимолётный взгляд на старые настенные часы: первый час ночи.

– Ой, Мариш, мне же завтра на работу к десяти, а надо ещё со Стешкой в поликлинику забежать. Я спать.

Мы желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по комнатам.

Я ложусь рядом со Стефанией на разложенном диване, и прежде, чем заснуть, думаю некоторое время о завтрашнем дне. Моя малышка не любит врачей, поэтому я волнуюсь из-за предстоящего визита к педиатру. Остаётся надеяться, что всё пройдёт успешно.

Глава 3

Мальвина

Утром просыпаюсь пораньше, чтобы успеть приготовить завтрак для Стефании, и собраться в поликлинику.

Моя девочка очень любит овсяную кашу, поэтому я быстренько достаю из холодильника молоко и ставлю кастрюльку для каши на плиту. Марина ещё спит, поэтому стараюсь передвигаться как можно тише, чтобы никого не разбудить.

Подруга работает допоздна, и утром не просыпается раньше половины девятого, но зато такой график позволит мне временно обойтись без няни. Марина была очень убедительна, и я поверила, что ей несложно будет присматривать за малышкой во время моей работы. Тем более, другого выхода у меня пока нет. Я понимаю, что долго так продолжаться не должно, поэтому сегодня поставлю Стешку на учёт в поликлинику, а завтра побегу подавать документы в детский садик.

– О, ты у нас, как всегда, ранняя пташка? – раздаётся за спиной голос подруги, и я резко оборачиваюсь.

– Доброе утро! – растягиваю губы в приветливой улыбке.

– Ммм, у нас овсяночка, – заглядывает через моё плечо в кастрюлю, стоящую на плите, – слушай, а ты точно до десяти успеешь и педиатра пройти, и на работу не опоздать?

– Не знаю, – пожимаю плечами, – но очень буду стараться.

На самом деле подруга права – опаздывать в первый рабочий день не самая лучшая идея.

– А давай я с вами поеду в поликлинику, а? – предлагает Маринка. – А потом вместе со Стешкой домой вернусь, а ты на работу махнёшь сразу.

– Ну... – тяну, помешивая кашу, – конечно, так удобней будет. Мне. А ты точно свободна утром?

– Ай! – Маришка беззаботно машет рукой и заправляет за ухо каштановую прядь волос. – Выступление только вечером, поэтому мне даже скучно немного, а так хоть развеюсь. Ты же дом весь прогенералила, чем мне теперь заниматься?

В ответ улыбаюсь молча. Будь даже в квартире полный срач, Марина всё равно с нами увязалась бы, раз уж так решила.

Я познакомилась с Егоровой, когда нам было по шестнадцать. Мы вместе учились в музыкальном училище, по случайному стечению обстоятельств оказались в одной комнате общежития и дружили до самого выпуска. Расстались только этим летом, когда я уехала домой, а она осталась в городе. Сняла квартиру и устроилась в местный ресторан певицей. Марина всегда была чересчур творческой натурой, даже больше, чем этого требует специфика нашей профессии. Убирать и готовить девушка никогда не любила, да и в отношении парней мы были разных взглядов, но, несмотря на огромное количество различий, всё равно продолжали дружить.

– Пойду, разбужу Стешку, – говорю, выключая комфорку под кастрюлей с овсянкой, и выхожу из кухни.

К моему удивлению, девочка уже не спит, смотрит огромными глазами в потолок и медленно хлопает ресничками.

– Доброе утро, моя конфетка, – чмокаю в щёчку сонного ангелочка, – выпалась?

Стешка неуверенно кивает, но в ответ не говорит ни слова. Как и всегда.

С горечью вздыхаю, вспоминая, как ещё полгода назад эта прелестная малышка щебетала без умолку, и слёзы подступают к горлу. Усилим воли давлю в себе этот эмоциональный порыв: ни к чему при ребёнке лить слёзы, их и так в её короткой жизни было предостаточно.

Спустя сорок минут накормленные и одетые мы стоим на пороге Маринкиной квартиры и ждём, когда подруга закончит с макияжем.

– Там это, – произносит девушка неожиданно, – внизу машина. . . .

Она виновато опускает глаза и смотрит в пол, словно ищет там что-то интересное.

– В смысле? Мы же договорились, что на автобусе поедem, ты такси что ли вызвала? – растерянно развожу руками.

Экономия у меня сейчас на первом месте, поэтому исключительно общественный транспорт или пешие прогулки.

– Не совсем. . . это мой новый парень, – отвечает довольно тихо и практически по слогам. Словно не я у неё тут с ребёнком поселилась, а она ко мне в гости пришла и теперь извиняется за то, что потревожила.

– Который по счёту? – прищуриваюсь, усмехаясь, но тут же прогоняю ненужные мысли. Это не моё дело, с кем и как проводит время Марина.

К счастью, очередь в поликлинике небольшая, и через пятнадцать минут мы уже заходим в кабинет педиатра.

– Сколько лет? – после осмотра пожилая женщина-врач задаёт стандартные вопросы.

– Почти четыре, – отвечаю, с улыбкой глядя на светловолосого ангелочка.

– Полных лет! – педиатр повышает голос, отчего я непроизвольно вздрагиваю. Давно не была на приёме у врачей и забыла, какими они могут быть грубыми.

– Три, – произношу потухшим голосом. Желание находиться в этом кабинете угасает с каждой минутой, и я очень надеюсь, что в скором времени нас отпустят.

Минут пять врач молча пялится в документы и что-то старательно заполняет в Стешкиной карточке.

– В сад ходите?

– Нет, мы недавно в городе. Не успели ещё, – отрицательно качаю головой.

– Ма! – произносит малышка, дёргая меня за подол лёгкого бледно-розового платья.

– Что такое, солнышко? Пить хочешь? – протягиваю её открытую бутылку с водой.

Девочка жадно присасывается к пластиковому горлышку.

– Не поняла, – врач откидывается на спинку кресла и сканирует нас обоих недобрым взглядом, – она что, не разговаривает?

Растерянно смотрю на педиатра: она уже пятнадцать минут изучает карту Стешки, и даже не потрудилась посмотреть записи соответствующих специалистов?

– У логопеда были?

– Да, – отрезаю коротко, – у невролога и психиатра тоже. В карте всё записано.

Последней фразой надеюсь пресечь дальнейшие расспросы. Нет, мне не сложно объяснить врачу причину отклонений в речи у ребёнка, но делать это при Стефании я не буду.

– Так, а БЦЖ делали в роддоме? – прилетает очередной вопрос, который тоже застаёт меня врасплох.

– Не знаю, – почти шепчу после затянувшейся паузы, и добавляю неохотно: – не помню. . .

– Нарожают в малолетстве, а потом не знают, что с дитём делать, – шипит врач и протягивает мне карту.

Я выхватываю документ и, не говоря ни слова, торопливо покидаю кабинет.

В коридоре опускаю ребёнка на пол, а сама прислоняюсь спиной к стене, чтобы перевести сбившееся от волнения дыхание. Боль и обида сжимают грудь, но я в очередной раз заглушаю подступающие рыдания. Почему в мире столько чёрствых и бессердечных людей, даже не пытающихся понять проблем другого человека?

– Мальвиш, ты в порядке? – рядом возникает Маринка. В одну руку она берёт ладошку Стешки, а вторую протягивает мне.

– Да, в порядке, пойдём на воздух, – выдыхаю и направляюсь к выходу.

На улице сначала усаживаю девчонок в маршрутку, а потом сама принимаюсь ждать автобус, потому что мне нужно в другую сторону.

Время уже перевалило за девять часов утра, поэтому я знатно нервничаю. Опаздывать в первый рабочий день – не самая лучшая идея.

К счастью, автобус приходит вовремя, и за пятнадцать минут до назначенного времени я вхожу в двери детского центра «Развитие». Неторопливо окидываю взглядом помещение, заполненное снующими туда-сюда детьми, и невольно улыбаюсь. До чего же приятно оказаться в своей стихии.

Уверенным шагом иду к кабинету директора и уже заносу руку, чтобы постучать в дверь, но она неожиданно открывается. Мужчина, которого я встретила вчера на выходе, вылетает из кабинета, ощутимо задев меня плечом. Не удержавшись на месте от столкновения, я отлетаю к ближайшей стене.

– Прошу прощения! – в холодном мужском голосе не слышно ни капли извинения.

– Н-ничего страшного, – отвечаю, заикаясь.

– Что? – он уже собирался уходить, но теперь резко разворачивается, испепеляя меня недобрый взглядом.

На этот раз не отвечаю, только отрицательно мотаю головой. Слова комом застревают в горле от пристального внимания незнакомца.

Шаг, ещё один, и вот уже меня и мужчину разделяет всего несколько десятков сантиметров. Он наклоняется, не отводя взгляда, леденящего мою нежную кожу, и шепчет, выворачивая всё нутро наизнанку.

– Запомни, если хочешь здесь задержаться: говори чётко и по делу.

Разворачивается и быстрым шагом уходит прочь, оставив меня в одиночестве переваривать случившееся. Что это вообще сейчас было? Получается, этот человек действительно занимает в «Развитии» какую-то значимую должность, раз позволяет себе так разговаривать с подчинёнными? И меня он, выходит, запомнил?

Глубоко вздохнув, медленно выдыхаю, поправляю блузку и стучу в дверь кабинета директора.

– Здравствуйте! – старательно удерживаю на лице дружелюбную улыбку, хотя после произошедшего в холле, сделать это непросто.

– Здравствуйте, – отвечает женщина. Она всем видом даёт понять, что не рада моему присутствию, но статус заведения не позволяет ей демонстрировать свои эмоции в полной красе.

Татьяна Викторовна вводит меня в курс дела, составляет приблизительное расписание, а потом показывает кабинет для занятий музыкой. Светлый и просторный, с электронным фортепиано, письменным столом и даже компьютером. Оказывается, что из-за поднятия цен на уроки желающих заниматься музыкой в «Развитии» убавилось. В итоге групповых занятий не будет в принципе, а только несколько уроков по вокалу.

– Завтра познакомишься с первой парой учеников, ну, а сегодня можешь просто освоиться в кабинете, познакомиться с другими педагогами, если они пожелают.

На последней фразе она подозрительно хмыкает, и я напрягаюсь, предчувствуя не самый лучший приём здешнего коллектива.

Это не первое моё рабочее место: во время учёбы в училище я подрабатывала и уборщицей, и посудомойкой, и даже промоутером. Но по специальности я буду работать впервые, и конечно мой юношеский максимализм требует, чтобы всё было идеально.

– Да, кстати, – добавляет Татьяна Викторовна, – обязательно зайди к Александру Юрьевичу. Он предпочитает лично знакомиться с каждым новым членом коллектива.

– А Александр Юрьевич это?..

– Это владелец центра, его кабинет на втором этаже, – поясняет женщина.

- Похоже, мы уже познакомились, – бурчу себе под нос, в глубине души надеясь, что ошибаюсь. И тот брюнет, накричавший на меня полчаса назад, никакой не владелец.
- Что ты сказала? – хмурится директриса.
- Ничего, – растягиваю губы в улыбке, – я обязательно к нему зайду.

Глава 4

Чтобы не откладывать знакомство с владельцем центра в долгий ящик, а заодно не мучить себя догадками о его личности, сразу после разговора с Татьяной Викторовной иду в указанный ею кабинет.

Впрочем, попасть на ковёр к начальству мне не светит – возле заветных дверей стоит стол, за которым сидит секретарша и, словно цербер, отказывается меня впускать.

– Александр Юрьевич вас не вызывал, – заявляет, не отрывая глаз от компьютера. Одной рукой она наматывает на палец прядь белоснежных волос, а второй активно стучит по клавиатуре.

– Да, я знаю, но Татьяна Викторовна сказала...

– Татьяна Викторовна сказала, – передразнила меня девушка, по-прежнему не сводя глаз с экрана монитора.

Нехорошо думать о людях плохо и делать выводы насчёт незнакомцев, но эта блондинка однозначно не простая секретарша. Уж больно развязно и нагло ведёт себя, словно хозяйка. Неужели любовница владельца центра?

– Хорошо, я найду позже, – быстро нахожу компромисс и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Александр Юрьевич всегда занят, так что советую заниматься своими делами и не тратить ни своё, ни тем более моё время, – летит мне в спину.

Ах, вот оно как. Я её время трачу? Хорошо.

– В таком случае, запишите меня на приём к Александру Юрьевичу, на завтра, скажем, – стреляю глазами в эту особу и, о, чудо! Девушка изволяет оторвать взгляд от компьютера и устремляет на меня ненатурально-синие глаза.

– А ты кто такая? – сканирует меня оценивающим взглядом и кривится в итоге. Наверное, мысленно выносит вердикт, что мой внешний вид не соответствует статусу этого заведения.

Да, одеваюсь я достаточно скромно, потому что на дорогие шмотки ещё не заработала. Тем более, наличие маленького ребёнка обычно способствует полной смене приоритетов и переосмыслению трат, что и произошло в моей жизни.

– Я новый педагог по вокалу, – складываю руки на груди, словно этот жест защитит меня от негативной энергии, исходящей от собеседницы.

– И что с того? Не успела устроиться, сразу к боссу побежала, чтобы обеспечил тебя местечком потеплее?

Девушка делает шаг в мою сторону, и я замечаю, что она одета в невероятно короткое платье, едва прикрывающее пятую точку. Фу, неужели в этом заведении отсутствует дресс-код? Это же всё-таки детский центр, но некоторые, похоже, не заморачиваются.

– Не хотела повторяться, – произношу как можно бесстрастнее, – но Татьяна Викторовна сказала...

– Татьяна Викторовна, Татьяна Викторовна, – в очередной раз перебивает, продолжая при этом кривляться. Что-то я уже сомневаюсь в адекватности этой девицы, поэтому лучше удалюсь, пока цела.

Делаю пару шагов назад, но неожиданно упираюсь спиной во что-то тёплое и достаточно твёрдое. И судя по ошалевшему взгляду секретарши, это не что-то, а кто-то.

– А-александр Юрьевич, я её говорила, а она, упёрлась, и вот, – частит девушка, заикаясь и не сводя глаз с объекта, находящегося за моей спиной.

Я же в свою очередь не спешу разворачиваться, но долго стоять всё равно не получится, поэтому набираюсь смелости и, крутанувшись на пятках, падаю в объятия стоящего столбом мужчины.

Вот и Александр Юрьевич собственной персоной – молодой и красивый хам, который отчитал меня сегодня с самого утра ни за что. Интуиция меня не подвела.

– Добрый день, – отпрянув от мужчины, здороваюсь вежливо, – Татьяна Викторовна сказала, чтобы я к вам зашла.

Специально делаю ударение на имени директора, чтобы мужчина сразу понял – не по своей воле я к нему на аудиенцию напрашиваюсь.

Мужчина в ответ не произносит ни слова, только кивает в сторону своего кабинета, на котором красуется табличка с надписью «Красовский А.Ю.». Я иду следом, гордо вскинув голову и даже не удостоив белобрысую секретаршу взглядом. С ней я потом разберусь, если появится возможность.

– Меня зовут Остапенко Мальвина, сегодня оформилась на должность преподавателя по вокалу, с завтрашнего дня приступлю к непосредственным обязанностям, – проговариваю, едва переступив порог кабинета.

Возможно, я поторопилась с пламенной речью, но волнение сыграло со мной злую шутку и заставило действовать необдуманно.

– Я разве давал разрешение говорить? – прищуривается босс. Он отодвигает массивный стул с широкой спинкой от своего стола, и падает на него всем весом.

Передёргиваю плечами, не зная, как себя вести и что говорить. Сердце барабанит в груди часто-часто, а по коже бегут колючие мурашки. Стараюсь не смотреть в лицо Красовского, чтобы окончательно не растеряться, или не бахнуться в обморок.

– Итак, тебя прислала Татьяна, но зачем? – мужчина не сводит с меня взгляд, и даже не видя этого напрямую, кожей ощущаю присутствие чужих холодных глаз.

– Она сказала, что вы предпочитаете лично знакомиться с каждым сотрудником, – отвечаю как можно твёрже.

Здесь всё давит на нервы: тёмные обои на стенах, задёрнутые шторы на окнах и пристальный взгляд босса.

Неожиданно мужчина поднимается с места, и словно хищник, мягкими шагами направляется в мою сторону. Инстинктивно хочу отступить, но вовремя беру себя в руки и остаюсь стоять на месте.

– Хочешь лично познакомиться? – говорит, не отрывая взгляда от моего лица. – То есть одной встречи с начальством тебе оказалось недостаточно?

Он неопозволительно приближает своё лицо, обдавая мои щёки тёплым дыханием с ароматом мяты.

– Вы не так поняли, – пытаюсь оправдаться.

На самом деле, я уже сто раз пожалела, что послушала директора и отправилась знакомиться с боссом, я же и в самом деле его видела уже дважды. Пусть и не знала доподлинно, что это именно он, могла бы просто уточнить у Татьяны Викторовны и заниматься своими делами.

– Д – дисциплина, С – самодисциплина. Если хромает второе, я обеспечу первое.

Он нависает надо мной, словно скала – холодная и безжизненная. Чувствую, что меня начинает трясти от этой пугающей близости, и всё-таки делаю шаг назад, увеличивая тем самым личное пространство.

С трудом понимая, о чём говорит босс, на всякий случай киваю в ответ. Красовский ухмыляется и взмахом руки показывает в сторону выхода. Я не мешкая, пулей вылетаю из кабинета. Только в приёмной отдышаться не удаётся, поэтому я спускаюсь вниз по лестнице и направляюсь в свой кабинет.

Лишь закрыв за собой плотно дверь, падаю на стул и обхватываю лицо руками, пытаюсь проанализировать ситуацию. Интересно, Александр Юрьевич всегда такой деспотичный, или только сегодня не с той ноги встал?

Если это его привычная манера общения, то я не знаю, как долго смогу продержаться на такой работе.

С другой стороны, моя железная мотивация – Стешка, и ради её светлого будущего я должна быть готова ко всему.

Глава 5

Вопреки всем законам подлости, утро выдалось добрым, и о вчерашнем неприятном инциденте я предпочла больше не вспоминать.

На работу пришла за полчаса до начала занятий, зашла в методический кабинет, взяла специальный журнал учёта и отправилась к себе.

Сегодня у меня только два ученика, так что речи о полном рабочем дне нет и близко. К сожалению, данный факт неминуемо отразится на моей зарплате, но с другой стороны, я смогу больше времени уделять Стешке, и это не может не радовать.

Ближайший месяц пока длится стажировка, на уроках будет присутствовать кто-либо из педагогических сотрудников центра. Я страшно волнуюсь, но в то же время понимаю, что это правильно. У меня нет никакого опыта работы, кроме практики в училище. А тут сразу же платные занятия, да ещё и в индивидуальной форме. Только я настроена серьёзно и всеми силами буду стараться не опозорить ни себя, ни центр, в котором мне позволили работать.

– Здравствуйте, – раздаётся следом за звуком открывающейся двери, и на пороге возникает женщина лет тридцати. Она держит за ручку светловолосую девочку с огромными розовыми бантами на голове, и неуверенно переминается с ноги на ногу.

– Здравствуйте, проходите, – приглашаю вежливо, жестом указывая на небольшой диван в углу кабинета.

Специфика данного заведения оставляет за родителями право присутствовать на занятиях и следить за работой педагога. Кто платит, как говорится, тот и музыку заказывает. В моём случае, буквально.

Женщина располагается на предложенном месте, а девочка делает шаг в мою сторону.

– Ну же, не бойся, – подбадриваю ребёнка, позволяя искренней улыбке делать своё дело, – давай знакомиться. Тебя как зовут?

– Соня, – тянет малышка смущённо.

– А меня зовут Мальвина Анатольевна, – представляюсь в ответ и уже намереваюсь задать следующий вопрос, но не успеваю.

Огромные голубые глаза моей маленькой собеседницы загораются озорным огоньком.

– Мальвина? Как в сказке? – воодушевляется девочка.

– Да, как в сказке, – отвечаю уверенно.

Я привыкла, что моё имя вызывает либо интерес, либо недоумение.

Вообще, удивительно, что моя строгая и никак не связанная с творчеством мать согласилась назвать меня Мальвиной. Насколько я знаю, это была идея моей старшей сестры, ну, а отец уже помог любимой дочке уговорить мать, и в итоге родительница сдалась. Правда сама по сей день зовёт меня Машей потому, что с трудом признаёт моё настоящее имя.

– А почему тогда у вас волосы белые, а не синие, как у настоящей Мальвины?

Детская непосредственность не знает границ, и я в очередной раз в этом убеждаюсь.

– Соня, ты что говоришь? Так нельзя... – хмурится мать ученицы.

– Не беспокойтесь, всё в порядке, – спешу успокоить женщину, а потом обращаюсь к любопытной почемучке: – сейчас я тебе открою свой секрет, только обещай никому не рассказывать.

Девочка кивает, заверяя меня, что будет молчать, и я принимаюсь на ходу сочинять историю о том, как мне пришлось с помощью волшебства изменить цвет волос.

Потом, конечно, удаётся перейти к занятиям и оценить уровень подготовки Софии. Оказывается, что девочка в свои восемь лет уже довольно многому научилась. Она три года посещала уроки музыки в муниципальном учреждении, но теперь её мать захотела попробовать частный центр.

– Жду вас в пятницу, до встречи, – прощаюсь с приятной парочкой и закрываю за ними дверь.

Первый урок прошёл на славу, и я никак не могу перестать улыбаться. Абсолютно неиспорченные деньгами и связями люди порадовали меня и успокоили одновременно. Я сильно переживала из-за того, что буду работать с детьми из обеспеченных семей, но рада, что мои опасения не подтвердились.

Как оказалось, рано обрадовалась.

После двадцатиминутного перерыва в дверь снова постучали. Нет, не так, в неё ударили несколько раз кулаком, а потом распахнули с такой силой, что она ударилась о стену.

Весьма эпичное начало, нечего сказать.

– Добрый день, – вежливо улыбаюсь, делая вид, что не заметила бесцеремонного поведения.

– Добрый, – отвечает ехидным писклявым голосом женщина средних лет.

Она держит в руках маленькую сумочку, а к груди прижимает собаку какой-то мелкой породы, тойтерьера, наверное, хотя, я в них плохо разбираюсь.

Рядом с женщиной стоит мальчик лет одиннадцати, и, судя по его недовольному виду, это он только что дверь пнул.

– Добро пожаловать, молодой человек, давайте познакомимся, меня зовут Мальвина Анатольевна, а вас?

– Карабас Барабас, – хохочет подросток в ответ, невероятно довольный тем, что ответил в рифму.

Я перевожу взгляд на женщину, которая его сопровождает, и, по всей видимости, является матерью сорванца. Но дама, а иначе её язык не поворачивается назвать, тискает собачонку у себя на руках, и на нас внимания не обращает.

– Да, ладно, забей, – бросает паренёк, заставляя меня окончательно опешить. – Платон я, можно просто Плат.

Он садится на стул, закидывает ногу на ногу и принимается покачивать ступнёй, обутой в найковские кроссовки.

– Итак, для начала ты расскажешь мне, где занимался и чему научился, потом я проведу распевку, а потом...

– Мне с детского сада начинать, или со школы можно? – перебивает пацанёнок.

– Меня интересует исключительно музыкальная сфера, – цежу сквозь зубы, ошутимо теряя терпение.

Мысленно даю себе подзатыльник, напоминая, что я в первую очередь педагог. И моя задача найти подход к любому ребёнку, пусть даже такому непростому.

– А, это... Это ещё до сада началось...

Парень как-то заметно стухает: то ли запас плоских шуточек иссяк, то ли вспомнил что-то не очень приятное.

Воспользовавшись ситуацией, приступаю к занятиям.

К моему большому удивлению, у мальчика чувствуется профессиональная подготовка, вот только желания заниматься нет от слова «совсем».

Когда после завершения урока он выходит в коридор, его мать подходит ко мне, чтобы предупредить.

– Мы много где занимались, но Платоша не может долго общаться с одним и тем же учителем. Постарайтесь найти к нему подход.

После этих слов она уходит, а я впервые задумываюсь над тем, что выбрала не самую простую профессию.

По уму, следующий урок следовало назначить на пятницу, но мать Платона оплатила ежедневные занятия. Она приводила мальчика к назначенному времени, а сама удалялась из кабинета без каких-либо объяснений.

Так было даже проще, хватало того, что ко мне на занятия приходила Татьяна Викторовна и наблюдала за процессом, оценивая уровень моей профессиональной подготовки. Радует, что в училище я времени зря не теряла и помимо основных занятий довольно много времени уделяла дополнительной литературе по педагогике и детской психологии.

Так прошло пару недель, я постепенно освоилась, познакомилась с учениками и другими педагогами. Александру Юрьевичу на глаза старалась не попадаться, чтобы ненароком не спровоцировать его на нечаянное увольнение меня.

Сегодня первое занятие у меня не состоялось, так как Сонечка приболела, но зато Новиков Платон пришёл даже чуть раньше положенного.

После распевки предлагаю Платону выбрать произведения для разучивания.

– Да без разницы! – заявляет мальчик, чем в очередной раз ставит меня в тупик. – Главное, чтобы мать не орала.

– Подожди, – откладывая ноты с партиями в сторону и перевожу взгляд на маленького брюнета, – тебе разве не нравится петь? У тебя красивый тембр, и ты очень хорошо владеешь голосом, правда, в ближайшем будущем будет необходимо сделать перерыв, когда твой голос начнёт ломаться...

– Серьёзно? – оживляется паренёк. – А большой перерыв будет?

– Возможно, около года, – отвечаю расплывчато.

– Круто, а вы можете матери сказать, что у меня уже это, как его, ну, то, что вы сейчас сказали?

– Так, подожди, Платон, ты меня запутал.

Я стараюсь установить зрительный контакт, однако мальчик избегает его всеми возможными путями.

– Ты не хочешь заниматься? – спрашиваю честно.

Дети, пусть даже младшие подростки, очень открытые и искренние существа, и с ними нужно быть предельно откровенными.

– Неправда, хочу, – паникует ребёнок, догадавшись, что я раскусила его мега крутой план, – только матери не говорите о том, что вас просил.

– Хорошо, – соглашаюсь, приняв решение не продолжать дальнейшие расспросы. Сделать выводы я и так могу, а вот лезть в душу к ребёнку, с которым мало знакома, не хочу.

К концу урока, когда Татьяна Викторовна уходит, я использую небольшую хитрость и говорю Платону, что, похоже, у него и вправду начинает ломаться голос.

Мальчик поднимает на меня полный надежды взгляд, и моё сердце щемит.

Да что, в самом деле, происходит?

– Так это я теперь смогу футболом заниматься? – радуется ученик, но я ничего не успеваю ответить, так как в кабинет входит его мать.

– Вы не могли бы уделить мне пару минут? – обращаюсь к женщине после того, как Платон, попрощавшись, счастливый, покидает помещение.

– Я спешу, если только пару минут, – заявляет женщина, поглаживая собаку, сидящую у неё на руках.

– Видите ли, мне показалось, что Платон не испытывает особой тяги к музыке... – начинаю, старательно сглаживая острые углы.

Рассказывать о том, что мальчик подстрекал меня вступить в заговор, я не собираюсь.

– Что? – раздаётся писклявый голос. – Да как ты смеешь? Он талантливый мальчик, и станет звездой!

Глаза женщины сужаются, а лицо становится пунцово-красным. Я невольно делаю шаг назад, потому что создаётся ощущение приближающейся опасности. Кажется, не будь в руках этой дамы собаки, она уже бросилась бы выдёргивать мне волосы.

– Я не спорю, что Платон довольно способный парень, но он не хочет посвящать свою жизнь пению, поймите, он ребёнок... – всё ещё не оставляю надежды достучаться до непробиваемой мамы.

– Да что такое, я буду жаловаться директору этой помойки, вы у меня попляшете! – она продолжает кричать, даже выйдя из кабинета.

Разумеется, бежать следом я не собираюсь. Ничего плохого или предосудительного в моих намерениях не было, и почему эта женщина восприняла замечание в штыки, я не знаю. Единственное, что меня волнует, так это Платон. Я понимаю его, как никто другой, ведь в своё время чуть не попрощалась с мечтой заниматься музыкой. Мама требовала, чтобы я окончила одиннадцать классов и поступила на факультет экономики, и это притом, что сама же отдала меня в своё время в музыкальную школу.

Спорить с родительницей не хотелось, но и ставить крест на своём призвании тоже. Правда, в то время у моей сестры начались проблемы в личной жизни, и мама переключилась, позабыв обо мне. Я же в свою очередь воспользовалась ситуацией и подала документы в музыкальное училище.

Платон был последним учеником на сегодня, поэтому заполнив необходимые документы, я собираюсь домой.

Взяв сумочку, направляюсь к двери, но та неожиданно открывается, и на пороге возникает Антонина.словно модель, в обтягивающем синем платье, с ярким макияжем на лице, она смотрит куда-то в потолок и сообщает, что босс ждёт меня у себя.

Удивившись неожиданному приглашению со стороны Александра Юрьевича, не мешкая и отправляюсь в его кабинет.

Красовский сидит за рабочим столом и нервно теребит в руках какую-то крутящуюся ерунду. Подозреваю, таким образом он пытался успокоить свои нервы.

– Здравствуйте, вы меня звали? – спрашиваю пискляво.

Как бы не пыталась придать своему голову твёрдости, в присутствии босса это сделать не удаётся.

– Скажи, ты совсем не дорожишь своим место? – спрашивает Александр Юрьевич, а я чувствую, как мои руки начинают медленно холодать.

– Н-нет, ч-что вы... – пытаюсь ответить, но слова застревают в горле.

– Я разве не говорил тебе, что рот открывать нужно только по делу? Вот сейчас у тебя есть возможность проявить себя, дерзай!

Он делает взмах рукой, а сам вальяжно откидывается на спинку стула, демонстрируя тем самым готовность слушать.

– Не понимаю, о чём вы, Александр Юрьевич – отвечаю почти шёпотом, чем вызываю очередную волну гнева со стороны руководителя.

За пару недель работы я стала свидетелем того, как Красовский обращается с подчинёнными, поэтому понимаю, что он из себя представляет. Его гнев не направлен исключительно на мою персону, босс со всеми слишком строг и категоричен. Вот только легче от этого знания мне не становится, а от холодного взгляда светло-голубых глаз и вовсе поджилки трясутся.

– Как ты посмела заявить матери Платона Новикова, что отказываешься заниматься с её сыном? – цедит сдержанно.

– Ничего такого не было, я просто сказала, что её ребёнок не хочет посвящать свою жизнь музыке.

Внешне я стараюсь выглядеть хладнокровной, но внутри бушует нешуточный ураган. В какой-то момент мне кажется, что от нервного напряжения начинает кружиться голова. Набираю в лёгкие больше воздуха, надеясь, что новая порция кислорода мне поможет.

– Странно, однако, женщина утверждает обратное. Она заявила, что ты нахамила ей и назвала её ребёнка бездарем, а потом и вовсе выгнала из кабинета.

– Это ложь... – с трудом проговариваю пару слов, чувствуя, что мои ноги становятся ватными.

Глава 6

– Тоня, вызови «Скорую»! – слышу мягкий баритон босса перед тем, как полностью погрузиться во тьму.

Меня словно покачивает на волнах: так легко, приятно...

– Мальвина, Мальвина Анатольевна, – мужской голос проникает сквозь толщу сна, достигая моего слуха, но я никак не могу открыть глаза. – Мальвина, очнись, – зовёт в очередной раз уже более требовательно.

Медленно разомкнув тяжёлые веки, вижу перед собой лицо Александра Юрьевича. В его взгляде читается неподдельная тревога, а пальцы настойчиво массируют моё запястье.

Не отрывая глаз от лица мужчины, я бессовестно рассматриваю приятные черты. Лёгкая щетина, тёмные волосы, мужественный профиль и невероятно холодный взгляд, который мгновенно помогает мне прийти в себя.

Эмоции, словно снежная лавина, обрушиваются на моё сознание, отрезвляя и приводя в ужас одновременно. Это что же получается, я прямо посреди кабинета босса грохнулась в обморок? А теперь лежу на кожаном диване и беззастенчиво люблюсь мужчиной? Стыдоба какая, а что, если он решит, будто я специально изобразила недомогание, чтобы избежать разговора? Мамочки!

– Простите, я... я не хотела... – пытаюсь подняться с дивана.

– За что ты извиняешься? – ухмыляется Красовский.

Он по-прежнему не сводит с меня взгляд, поэтому я не знаю, куда себя деть и как поскорее выбраться из сложившейся неловкой ситуации.

– Я пойду, – предпринимаю очередную попытку подняться, но крепкая рука босса возвращает меня в лежачее положение.

– Сначала тебя осмотрит врач, – цедит неохотно.

Кажется, ему даже разговаривать со мной неприятно, отчего же тогда не хочет отпустить?

– В этом нет надобности, я просто забыла позавтракать, вот и всё, – пытаюсь успокоить руководителя, но он меня даже не собирается слушать.

Александр Юрьевич поднимается и идёт к своему столу.

– В работе с детьми всё должно быть идеально: и внешность, и выдержка, и здоровье.

– То-то у вас Антонина полуголой по центру расхаживает, – бубню себе под нос.

– Что? Ты что-то сказала? – босс резко разворачивается.

Точно, он же просил говорить чётко и по делу, а я опять сама с собой разговариваю.

– Это больше не повторится, – заверяю клятвенно.

Быть уволенной, не отработав и месяца после трудоустройства – так себе перспектива, поэтому я сделаю всё возможное, чтобы избежать данной участи.

– Понимаете, я просто сказала матери Платона, что её ребёнок не хочет заниматься музыкой. Мальчик даже просил меня соврать его матери, что ему нельзя петь, он в футбол мечтает играть, а не вот это вот всё... – развожу руками, внутренне надеясь на понимание со стороны Красовского. В конце концов, он хоть и чёрствый, но тоже человек, значит, есть шанс, что поймёт мои мотивы.

Пока босс стоит спиной ко мне и рассматривает что-то на своём столе, я медленно и максимально беззвучно поднимаюсь с дивана, беру рядом лежащую сумку и иду к выходу.

– Мне уже лучше, я пойду, с вашего позволения?

На этот раз Красовский не возражает, просто кивает в ответ и позволяет мне исчезнуть за дверь.

По пути домой забегаю в небольшой супермаркет и покупаю для себя плитку тёмного шоколада. До квартиры Маринки полчаса идти, поэтому надо как-то восстановить силы. Ехать

в душном общественном транспорте не хочется абсолютно, поэтому я неспешным шагом иду по тротуару в нужном направлении.

Александр

В центре творчества, который достался мне от покойного отца, есть свои устоявшиеся правила. Во-первых, никто и никогда, ни при каких обстоятельствах не должен спорить с начальством, то есть, со мной. В рабочих рамках, разумеется.

Во-вторых, мнение клиента всегда в приоритете, и не важно, что по этому поводу думает педагог.

Конечно, эту новенькую с причудливым сказочным именем, Татьяна Викторовна должна была предупредить, но что-то явно пошло не так. Ещё и этот обморок, который совершенно выбил меня из колеи и заставил разозлиться сильнее, чем прежде. Только теперь не на подчинённую, а на себя. Как бы мне не хотелось, чтобы окружающие были максимально похожи на роботов, жизнь вносит свои коррективы, и постоянно напоминает, что передо мной женщина или, например, ребёнок.

Вот и сегодня я безумно разволновался после того, как девушка плавно спустилась по стенке на пол и закрыла глаза. Если честно, впервые за двадцать семь лет жизни я вижу, как человек теряет сознание.

Ближе к вечеру начинаю собираться домой, аккуратно снимаю с вешалки пиджак, накидываю его на плечи. Лёгкая тревога появляется в груди, стоит бросить взгляд на диван и вспомнить, как днём здесь лежала Мальвина.

Интересно, как она сейчас себя чувствует? Надо бы зайти в отдел кадров и взять номер телефона девушки, чтобы осведомиться её состоянием. В конце концов, я косвенно послужил причиной случившегося инцидента.

Получив заветные цифры, достаю из портфеля телефон, чтобы набрать номер девушки, но стопорюсь в последний момент. Как она воспримет столь пристальное внимание с моей стороны? Что, если насочиняет себе лишнего и решит ухлёстывать за мной?

Я терпеть не могу, когда смешивают работу и личную жизнь, и подчинённым не позволяю этого делать. Мне хватает Тони, которая с каждым днём уменьшает длину юбки, чтобы хотя бы таким образом привлечь моё внимание. Думает, я идиот озабоченный, поведусь на такой примитив. Просто моя секретарша не знает, что с некоторых пор я отказался от серьёзных отношений с противоположным полом, и стараюсь обходиться короткими свиданиями. Да и то, как можно реже, потому что большую часть времени мой мозг занят работой.

Только листок с номером телефона Мальвины не даёт мне покоя, словно обжигая пальцы. Так и быть, позвоню, чтобы не мучиться от угрызений совести.

– Алло, – девушка отвечает на звонок моментально, словно держала телефон в руках.

– Добрый вечер, Мальвина Анатольевна, это Красовский, как ваше самочувствие? – произношу официальным тоном, чтобы на корню пресечь излишние фантазии со стороны девушки.

– Хорошо, – звучит то ли растерянно, то ли настороженно.

– Я рад, поправляйтесь, завтра жду вас на работе.

Попрощавшись, отключаю телефон и завожу машину. Выруливаю с парковки и направляюсь в сторону дома.

Дом находится на окраине города в довольно тихом живописном месте. Много лет назад его построил мой отец, а когда папы не стало, я остался в огромном пустом доме один. Мать не выдержала смерти супруга и обрушившейся ответственности в виде детского центра, и поэтому уехала за границу. А я вынужден был в одиночку разбираться в тонкостях совершенно новой для меня сферы, потому что диплом юриста, который я получил за пару месяцев до смерти родителя, с трудом помогал разобраться в образовании и педагогике.

В итоге пришлось забросить мечты о собственной адвокатской конторе, и заниматься тем, что подкинула мне судьба.

Глава 7

Александр

– Да мам, давно не слышал тебя, – отвечаю на входящий звонок, заставивший меня прервать утреннюю пробежку.

– Я не разбудила тебя, сынок? – подозрительно ласково спрашивает мать.

Последние пять лет она звонила мне максимум два раза в год, и что её побудило изменить устоявшимся привычкам, я не могу даже предположить.

– Всё в порядке, как ты? – спрашиваю, присаживаясь на кованую скамейку в центре парка.

Хотел бы я слышать родной голос чаще, но мама очень тяжело переживает потерю мужа, поэтому не хочет лишний раз общаться с кем-либо. Даже со мной.

– Лучше не бывает, – произносит весёлым голосом, заставляя меня насторожиться, – более того, я возвращаюсь через неделю.

– Оу! – вырывается само собой. – Неожиданно...

А что тут скажешь? Мать не проявляла интереса ни к моей жизни, ни к оставшемуся от отца бизнесу. Я давно вошёл в её положение и понимаю, что она была сломлена и раздавлена потерей любимого мужа. Но всё же хорошо, что она, наконец, пришла в себя.

– Не одна... – тянет загадочно, – ой, ладно, я сообщу, как буду вылетать. Не скучай, целую.

Мать опускает трубку, но я по-прежнему продолжал держать телефон возле уха, перебирая в голове возможные варианты. С кем она может приехать, неужели нашла себе кого-то?

С другой стороны, отца давно нет, а маме всего сорок пять, и это даже хорошо, если появился мужчина, сумевший вернуть её к жизни.

За бесконечными делами и работой неделя пролетела незаметно, и приближается время приезда моей матери, Красовской Валентины Сергеевны.

Я планировал встретить её в аэропорту, поэтому заранее поинтересовался о времени прилёта.

– Я на такси! – безапелляционно заявила мать, чем в очередной раз выбила меня из колеи.

За последнюю неделю она звонила мне ещё два раза. Два. А теперь вдруг в самостоятельность решила сыграть ни с того, ни с сего. А дальше что?

Попытался оспорить решение родительницы, но тщетно: она твёрдо решила не обременять меня и не отвлекать от работы. Чувствую, с её возвращением моя жизнь возьмёт крутой поворот, знать бы ещё, в какую сторону.

Вечером принимаю решение не задерживаться в центре и поскорее отправиться домой, чтобы, наконец, увидеться с матерью, которая уже, скорее всего, ждёт меня.

Правда, дверь мне открывает не мама, а Надежда Игоревна, прислуга, которая приходит несколько раз в неделю для уборки и готовки. Сегодня я вызвал её, чтобы мать не была в пустом доме одна. То, что она настоятельно рекомендовала мне не приходить раньше времени с работы, это одно. Но позволить близкому человеку столкнуться с воспоминаниями один на один я не могу.

– Мама, – бросаюсь на шею женщине и прижимаю к себе крепко-крепко.

Мать выглядит, как всегда отлично.

– Мой дорогой, как ты повзрослел, – впивается в моё лицо взглядом, что-то высматривая и кивая при этом головой.

– Валюша, – раздаётся сбоку незнакомый мужской голос, на который мы с мамой синхронно поворачиваемся.

То, что предстаёт перед глазами, мягко говоря, повергает в шок и чуть не выбивает почву из-под моих крепких ног. На меня смотрит светловолосый мужчина с довольно смазливими чертами лица и приторной улыбкой от уха до уха.

И этот хрен только что мою мать Валюшей назвал? Да ему не больше тридцати на вид, что происходит?

– Мам? – вопросительно смотрю на мать. – Это кто?

Я стараюсь сохранять самообладание, хоть это и непросто в сложившейся ситуации.

– Познакомься, Сашенька, это Арчи, – она отпускает мою руку и льнёт к стоящему посреди нашей гостиной дрыщу.

Охреть...

– Арчи? – только и могу вымолвить я.

Что за дурацкое имя?

– Что за дурацкое имя? – спрашиваю вслух.

Мне нечего стесняться, я нахожусь в своём доме в отличие от этого подозрительного хрена, без стеснения тискающего мою мать.

– Сашенька, ну, разве можно так с гостем?.. – она любовно стреляет в мужика глазами, – Артур, – моментально озвучивает приближённое к норме имя, увидев мой, сверкающий злобой, взгляд.

– Здорово, – растягиваю губы в неестественной улыбке, почёсывая слегка заросший подбородок, – а что этот, с позволения, Артур, здесь делает?

Имя сопляка специально голосом, полным иронических ноток, выделяю. И пусть он даже меня старше, относительно матери, всё равно сопляк.

– Мальчики, а давайте присядем за стол, познакомьтесь поближе. Наденька, – мама повышает голос, обращаясь к прислуге, – всё готово?

Оказывается, Надежда Игоревна уже накрыла стол и терпеливо ждёт, когда ей позволят подавать горячее.

Нехотя иду к столу. Желания есть нет совсем, но я всё же принимаю решение не устраивать скандал с порога, хоть и очень хочется.

– И чем же вы, Артур, занимаетесь? – спрашиваю, стоит мужику напротив вцепиться зубами в сочную отбивную.

Ничего, потом пожрёт, а сейчас пусть изволит на мои вопросы отвечать, желательно, без запинки.

– Я, кхм... – прокашливается, аккуратно вытирая рот салфеткой.

– Арчи занимается фотографией, – мать вклинивается в разговор и в сотый раз улыбается, глядя на новоиспечённого хахала.

А нового ли?

– И давно у вас это? – делаю круговое движение ножом, глядя на парочку исподлобья.

Мать бросает на меня огорчённый взгляд, и я понимаю, что пора остановиться. Мы не виделись пять лет, и нашу встречу я не так себе представлял, но уже как есть. В любом случае, маму огорчать не хочется, поэтому сегодня придётся потерпеть общество подозрительного хрена.

Но завтра всё же наведу о нём справки, и если за холёной мордой скрывается что-то мерзкое, я за себя не ручаюсь.

– Сашенька, – обращается мать после ужина. Я сижу в кресле, а она вместе с Артуром на мягком угловом диване напротив. – Нам нужно обсудить кое-какие вопросы касательно центра.

– Какого центра, мам? – хмыкаю, подперев рукой подбородок, хотя прекрасно понимаю, что она имеет в виду «Развитие».

Белобрысый тип раздражает меня не только своим присутствием, но ещё и полным игнором моих вопросов касательно своей мутной личности. Быстро просёк, гад, что ради матери я готов терпеть его ленивую тушу в нашей гостиной, и нагло этим пользуется.

– Ну как же, «Развитие», который нам от папы достался. Или ты его переименовал? – в серых глазах мелькает неподдельный живой интерес.

– Нам? – бурчу себе под нос, хотя сам терпеть не могу, когда говорят в полголоса. – Нет, не переименовал. А какие вопросы мам? И почему при посторонних?

Глазами в смазливом червяке стреляю, который одной рукой мою мать за плечи обнимает, а другой ковыряется в телефоне. Надеюсь, он этот навороченный девайс за свои деньги купил.

– Арчи не посторонний, – мать надувает обиженно губы, – и я хотела...

– Но к центру он никакого отношения не имеет, – обрываю бесцеремонно, – да и разве интересно будет фотографу про бизнес слушать?

Пытаюсь разрядить обстановку смехом, но выходит неправдоподобно, впрочем, меня это мало волнует. Важнее то, что этот хмырь изволит, наконец, поднять глаза, ловит мой взгляд и явно пугается.

– И правда, – встаёт, убирая в задний карман джинсов телефон, – Валюш, я подожду тебя наверху.

Нервно постукиваю пальцами по подлокотникам кресла, понимая, что Артур ещё и ночевать в нашем доме останется. Мысленно я уже разгромил гостиную, вызывая к маминому здравомыслию, но в реальности только стискиваю челюсти и крепко сжимаю кулаки. Повезло сопляку, что я не хочу с матерью ссориться, а иначе катился бы он куда подальше.

– Сашенька, – елейный голос вырывает меня из приятных фантазий, в которых я бью Артуру морду, – я планирую завтра приехать в центр.

– Хорошо, – пожимаю плечами. А что такого, пусть приезжает, – ты там такая же хозяйка, в чём вопрос?

– Видишь ли, – она подаётся вперёд, сцепив руки в замок, – именно этот вопрос я и хочу обсудить.

– Кто хозяин? – догадываюсь без лишних намёков.

Теперь главное, как можно деликатнее напомнить матери о том, что это я пять лет назад встал у руля и вытащил центр из задницы. Никаких упрёков, я прекрасно понимаю мать, и сразу вошёл в её положение: она совершенно внезапно потеряла дорогого супруга и была убита горем. Но и я потерял отца и близкого друга, однако взял себя в руки, и, стиснув зубы, продолжил его дело. И теперь я не понимаю, чего мать от меня хочет.

– Ну, что ты так резко, – она старается смягчить накаляющуюся обстановку улыбкой, – просто я пришла в себя, и хочу заняться тем, чем давно должна была.

Отлично. Просто превосходно. Нет, я не против того, что центр принадлежит моей матери, и я фактически обладаю только небольшой долей, доставшейся от отца. Мне непонятно, с чего она вдруг решила отстранить меня от дел, неужели перестала доверять?

– Но я и так прекрасно занимаюсь всеми вопросами, ты можешь и дальше отдыхать, если хочешь.

– Сын, – она подходит ко мне и кладёт тёплую ладонь на плечо, – пойми, я выпала из жизни на пять лет, словно в тумане находилась всё это время, и теперь просто хочу почувствовать себя живой.

Подняв голову, смотрю в родные глаза, вокруг которых пляшут едва заметные паутинки морщинок. Как бы мать не старалась, а возраст всё равно медленно берёт своё.

– Артур этот по той же причине? – машу в сторону лестницы рукой.

Мама кивает, продолжая улыбаться и с теплотой смотреть в мои глаза. Как мне не хватало её доброго взгляда, её поддержки всё это время, но прошлого не воротишь. Всё сложилось так, как должно было.

– Он хороший, ты это поймёшь, если познакомишься с ним поближе.

Брезгливо передёргиваю плечами, представляя, как пытаюсь найти общий язык с сопливым щенком, прячущимся за юбкой взрослой женщины.

Мать уходит наверх, а я продолжаю сидеть в кресле и думать о том, что возможно теперь моя размеренная жизнь не будет прежней. И сейчас речь не о матери, которая неожиданно решила вернуться и заняться делами семьи – это как раз неплохо.

Но меня больше волнует странное чувство грядущих перемен, которое мучает в последние несколько дней. Говорят, у мужчин нет интуиции – возможно. Вот только меня не перестаёт покидать ощущение того, что будущее теперь не будет таким безоблачным, как мне этого хочется.

Глава 8

С самого утра в центре какой-то переполох: все бегают, суетятся, а Татьяна вообще злее обычного. Девочки говорят, что важная персона должна приехать, вроде бы родственница Александра Юрьевича.

Кажется, одна я спокойно занимаюсь уроками и во всеобщей панике участие не принимаю. В итоге время пролетает незаметно, и неминуемо приближается обед. Выходить из кабинета я не планирую, потому что хочу заняться заполнением журналов учёта посещаемости учеников.

Ну, это так, отмазка для окружающих, а на самом деле я просто не успела взять с собой перекус из дома, потому что всё утро провозилась со Стешкой. Малышка приболела, пришлось вызывать врача. Ничего серьёзного, банальная простуда, но я всё равно не нахожу себе места, особенно, из-за того, что вынуждена находиться на расстоянии от ребёнка. Брать больничный в первый же месяц трудоустройства не самая лучшая идея.

Можно, конечно, выйти и пообедать в каком-нибудь заведении рядом с центром, но тратить деньги желания нет. У меня сейчас каждая копейка на счету, я даже на работу пешком хожу, всё откладываю, чтобы собрать необходимую сумму на первоначальный взнос по ипотеке. Нам со Стешкой необходима своя квартира, разумеется, несъёмная.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть – нечасто ко мне кто-то во время перерыва приходит.

– Тебя зовет Александр Юрьевич, – в дверном проёме мелькает голова Тони, и тут же исчезает.

По коже пробегает холодок. После того обморока я не виделась с боссом, да и сейчас особого желания встречаться с деспотичным начальством не испытываю. Но деваться некуда – придётся идти на ковёр к Красовскому. Надеюсь, на этот раз он меня не ради очередных разборок вызывает по какому-нибудь надуманному поводу.

Робко стучу в дверь, и после разрешения во всех смыслах высокого начальства, прохожу в кабинет.

– Добрый день!

– Добрый день, – отвечает босс, – присаживайтесь.

Он жестом указывает на стул, стоящий напротив его рабочего стола, и я неохотно принимаю приглашение. Внутри всё сжимается от неизвестности и ожидания чего-то неприятного, но внешне я стараюсь держаться стойким оловянным солдатиком.

– Скажите, Мальвина Анатольевна, как проходят ваши занятия, как контакт с учениками и родителями, удалось наладить?

Внимательно смотрю на Красовского, пытаюсь понять, к чему он затеял этот допрос. Буквально вчера о том же самом меня спрашивали методист и директор. Неужели им что-то не понравилось, и они доложили об этом боссу?

– Хорошо, всё хорошо, – киваю, – я принесу документы, и вы сами убедитесь. Или можно открытый урок...

– Всё в порядке, я вам доверяю, – он отвечает довольно мягко, но я ещё сильнее напрягаюсь. С чего это босс таким доверчивым и добрым стал? – Вы можете идти, я вас от обеда отвлек.

– Да нет, – машу рукой, – ничего страшного.

– Кстати, Мальвина, – окликает он, когда я уже собираюсь открыть дверь, – а вы уже пообедали?

Неохотно оборачиваюсь и сталкиваюсь с испытывающим взглядом босса. Как соврать, если не привыкла этого делать?

– Я почему интересуюсь, ваш обморок пару дней назад, он...

– Он больше не повторится, – спешу заверить Красовского.

Я сразу поняла, что та ситуация прищлась боссу не по вкусу, он очень заморачивается из-за репутации заведения и прочих бал-бла-бла.

Другие педагоги рассказали, что Александр Юрьевич – неисправимый перфекционист, который стремится, чтобы в его жизни всё было чётко и по расписанию. Не понимаю, чем моё здоровье может помешать слаженному рабочему процессу, но у босса, видимо, своё видение ситуации.

– Вы не ответили на вопрос, – цедит сухо, давая понять, что суровый начальник никуда не делся.

– Н-нет, ещё пока, – пишу, зажмуривая глаза, потому что боюсь увидеть ярость на лице Красовского.

Мне кажется, от этого мужчины чего угодно можно ожидать, и даже выговора за неверный цвет блузки или высоту каблука. Надо же таким дотошным быть.

– Почему? – продолжает он наседавать.

Поднимается из-за стола и, словно хищный зверь, медленно идёт в мою сторону.

– П-потому что... Потому что... – судорожно пытаюсь придумать ответ, но из-за пристального взгляда, который полностью сосредоточен на моём лице, не могу вымолвить ни слова.

Задрожав, словно осиновый листок, крепче обнимаю себя руками.

Только бы сознание не потерять.

Когда я училась в музыкальном училище, со мной часто случались обмороки, а врачи только разводили руками. Все их советы сводились к тому, что нужно правильно и сбалансировано питаться, больше бывать на свежем воздухе и не пренебрегать здоровым сном. И я старалась выполнять их советы, но сделать это получалось с трудом. Крохотной стипендии едва ли хватало на самую скромную еду, а бесконечные подработки занимали много времени, поэтому уроки я делала ночью.

Потом как-то само собой всё прошло, подумала, что просто переросла тот критический возраст, и расслабилась. Сама позавчера не ожидала, что грохнусь прямо посреди кабинета босса.

– Ясно, – заключает босс, приблизившись ко мне вплотную.

В нос тут же ударяет головокружительный аромат его парфюма из смеси цитрусовых и чего-то такого терпкого, мужского, волнующего. Я непроизвольно тяну носом воздух и рвано выдыхаю, с трудом сдерживаясь, чтобы не застонать вслух.

Вот это запах...

– Поехали! – говорит приказным тоном и, бесцеремонно схватив за запястье, дёргает в сторону выхода.

Тащит меня мимо опешившей Антонины, словно тряпичную куклу. Краем глаза успеваю поймать убийственный взгляд секретарши сначала на наших сцепленных с боссом руках, а потом на моём лице. Кажется, стоит ждать покушения.

– Куда вы меня тащите? – лепечу еле слышно, всё ещё продолжая шустро перебирать ногами, чтобы успеть за широкими шагами Красовского.

– Спасать от очередного голодного обморока! – бросает через плечо, не оборачиваясь.

В ответ ничего не говорю, потому что просто не нахожу слов. Да что там слова, у меня чувства все внутри перемешались: от смятения и удивления до греющего душу незнакомого мне ранее огонька.

В училище на меня обращали внимание парни, и даже на свидания приглашали. Не скажу, что их было множество, но и неприметной для противоположного пола я не была. Возможно, мне даже хотелось ответить одному из них согласием, но моя студенческая жизнь была такой, что размениваться на бесконечные гулянки не представлялось возможным. И будь сей-

час на месте Александра кто-либо другой, я бы остановила его и потребовала объяснений. Но с Красовским, слово которого может с лёгкостью оставить меня без работы, спорить не хочется.

От собственных выводов в голове мелькает нехорошая мысль: получается, ради работы я на многое готова? А если у босса ко мне ещё какой-либо интерес возникнет, до какой точки я буду терпеть?

Украдкой смотрю на Александра Юрьевича, пока он достаёт из кармана пиджака ключи от машины. Красивый, высокий, успешный и богатый. Вокруг него скорее всего настоящие богини с модельной дорогой внешностью крутятся, поэтому зачем ему такая простая девушка, как я? Думаю, что не за чем, а значит, можно быть спокойной – я в безопасности.

– Садись, – жестом указывает на чёрный «Мерседес», который только что пропищал звуком выключенной блокировки.

Ещё раз бросаю мимолётный взгляд на начальника, в глубине души надеясь на то, что он вот-вот улыбнётся и скажет, что просто разыграл меня. А потом спокойно вернётся в центр, и я тоже пойду в свой кабинет.

Но нет, это же Красовский, порой мне кажется, что он вообще не умеет улыбаться.

Вот и сейчас у него такое выражение лица, что хочется спросить, что он вообще забыл в педагогике? Ему бы дознавателем работать, честное слово.

Неохотно открываю дверь и присаживаюсь на заднее сиденье чёрного, как сама ночь, автомобиля.

Всю дорогу думаю о том, как себя вести, ведь в подобной ситуации мне быть ещё не приходилось. Как вообще относиться к предстоящему обеду? Это не свидание, не деловой ужин и даже не дружеская встреча. А вдруг я скажу что-то лишнее, или посмотрю не так? Значит, лучше ничего не говорить и не поднимать взгляда на Красовского.

К счастью, ресторан, который выбрал босс, не отличается излишней помпезностью. Да, дорогой, да, престижный, но без лишнего пафоса и вычурности. Простые столы из качественного дерева, такие же, подходящие по дизайну стулья и строго одетые официанты – вот и вся концепция ресторана. Мне в этой простоте всё кажется таким домашним и уютным...

Ровно до того момента, пока я не открываю меню. Первая мысль – тут же захлопнуть странную штуковину, ценники в которой меня не на шутку пугают.

Пока пытаюсь оправиться от произведённого ценами впечатления, к нашему столу подходит официант с блокнотом и ручкой наготове, и принимается записывать пожелания Красовского. Создаётся впечатление, что Александр Юрьевич в меню даже не заглядывал, так, открыл для приличия и тут же захлопнул.

– Девушка что пожелает? – парень в белоснежной рубашке и чёрном фартуке переводит взгляд на меня.

– Ммм, – пожимаю плечами и впервые за последние двадцать минут рискую посмотреть на босса, весь вид которого выражает полную отстранённость. – Можно просто воду.

– Принесите девушке что-нибудь на ваше усмотрение, – бросает официанту, не обращая никакого внимания на мои слова.

Парнишка в фартуке, обрадовавшись, начинает расхваливать какое-то супер новое блюдо от шеф-повара.

– Да, да, вот его и подайте, – бросает, при этом не сводя с меня глаз.

Мне становится неуютно, и я отворачиваюсь, но тут же напоминаю себе, что передо мной не просто мимо проходящий парень, а начальник. Вдруг он за оскорбление примет то, что я нос ворочу?

– Спасибо, не стоит, я не хочу есть, – благодарю робко, но тут же осекаюсь, когда Александр Юрьевич делает взмах рукой, призывая меня тем самым замолчать.

Всё остальное время ожидания Красовский что-то листает в телефоне, а я смотрю в окно, продолжая бороться с чувством неловкости.

Лишь когда мы заканчиваем с десертом, босс неожиданно спрашивает:

– А сколько твоей дочке лет?

Прямо. В лоб. Без лишних предисловий. Я хоть с этим человеком всего пару недель знакома, а лично беседовала раза полтора, успела понять, что он с подчинёнными не церемонится.

Вот и сейчас себя рамками решил не ограничивать.

– Четыре, – отвечаю, вытерев салфеткой губы.

– А тебе двадцать... – тянет задумчиво.

Усмехается.

Очередной поборник морали, чтоб его. Сколько их таких было в моей жизни и сколько ещё будет – не знаю.

Я привыкла к тому, что люди неоднозначно реагируют, когда узнают, что у меня со Стешкой разница всего шестнадцать лет.

Да мне на них плевать, собственно, главное, что моя девочка рядом со мной, а остальное не важно.

Рассказывать каждому встречному подробности своей жизни я не собираюсь.

Глава 9

Александр

Покладистая, однако, эта Мальвина. Люблю, когда подчинённые не задают лишних вопросов. Сказал: едем обедать, значит, едем обедать. Я весь коллектив приучил к тому, что дисциплина – это первое, и очень рад, что Остапенко быстро усвоила урок.

Впрочем, зачем я её потащил в ресторан, сам понять не могу. Просто вспомнил, как она позавчера по стеночке на пол сползла, и захотел предотвратить рецидив. Обычно не утруждаю себя добродетелью, но сегодня меня что-то переклинило. Возможно, причина в том, что мать после обеда обещала приехать в центр, а перед тем, как положить трубку телефона, добавила, что с Артуром приедет. Я не на шутку разозлился, в голове полный хаос образовался, а я к беспорядку не привык. В итоге получилось то, что получилось.

– Да, проходите, пожалуйста! – раздаётся голос за дверями моего кабинета, а спустя пару секунд, на пороге возникает мать.

– Добро пожаловать! – широко улыбаюсь и поднимаюсь со стула, чтобы поприветствовать маму.

– Что за красавица у тебя в приёмной сидит? Вежливая, внимательная... Недавно устроилась? – подмигивает мне. Только этого мне не хватало.

– Мам, это секретарша. Секретарша, – специально подчеркиваю статус Антонины, чтобы хоть немного остудить родительский пыл.

– Да поняла я, это и так ясно, – фыркает недовольно и устраивается на диване.

– Лучше скажи, ты уже прошла по центру, или тебя сопроводить?

– Да, прошла, – смеется мать, – ты молодец.

Вроде бы меня сейчас хвалят, но я несильно в этом нуждаюсь, потому что сам прекрасно знаю себе цену. Но что-то в этом её «молодец» меня настораживает.

Спустя десять минут Тоня приносит кофе, и мы с мамой продолжаем беседу.

– Знаешь, о чём я подумала, когда прохаживалась по правому крылу здания?

Внимательно присматриваюсь к родительнице: взгляд не отводит, улыбается, неужели никакого подвоха не будет?

– Было бы здорово реконструировать спортзал, – произносит, отставляя чашку с кофе в сторону, – причём, не только детскую зону. Можно ведь и для родителей оборудовать одно помещение, представь, как здорово: пока детки занимаются с тренером, родители могут уделить внимание себе.

– Знаешь, я и сам думал над этим в последнее время, – задумчиво прочесываю пальцами трёхдневную щетину.

– Отлично! – восклицает женщина, поднимаясь с места.

По тому, как она принимается расхаживать взад-вперёд по кабинету, я понимаю, что эта тема её очень волнует.

– Да, но это не так быстро, необходимо всё просчитать, составить...

– Я уже всё просчитала! И планирую сегодня вечером встретиться с потенциальным инвестором.

– Подожди, – выставляю руку вперёд, – так нельзя. Вначале необходимо всё посчитать, возможно, мы и сами потянем данную реконструкцию. Наш бюджет...

– Я же говорю, что всё уже посчитала, тем более, есть ещё один проект, который не связан с центром.

– Мам? – вопросительно приподнимаю одну бровь.

– Ой, всё, мне ещё в салон нужно, да и Арчи дома ждёт. Не скучай вечером без нас, – она весело улыбается и машет мне рукой на прощание.

– Подожди, а где хоть встреча? – спрашиваю твёрдо, настроенный не давать матери пустить мои пятилетние труды под откос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.